

Е.А. Военушкина

Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина

КАТЕГОРИЯ ПЕРСОНАЛЬНОСТИ КАК ЭЛЕМЕНТ ДОСТОВЕРНОСТИ В МУЛЬТИМОДАЛЬНОМ ТЕКСТЕ НЕСКАЗОЧНОЙ ПРОЗЫ

В данной статье приводятся результаты наблюдения над корпусом зафиксированных текстов сказочной прозы, где основным элементом фабулы является рассказ о встрече с нечистой силой или любым другим представителем иного, потустороннего мира. Особое внимание уделяется роли категории персональности как элементу убедительности и достоверности в том, что говорящий воспринимает встречу со сверхъестественным как произошедшее с ним (или его близким) в реальной действительности.

Лингвофольклористика, семиотика, мультимодальная лингвистика, сказочная проза.

Введение

Изучение естественной коммуникации сегодня является приоритетом во многих разделах не только филологии, но и гуманитарных наук в принципе. По всей видимости, это связано со сменой исследовательского фокуса: внутренние мотивы человеческого поведения становятся актуальны в такой же степени, как и внешние. Такой подход называется антропоцентрическим. «Антропоцентризм обнаруживается в том, что человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, что он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективу и конечные цели» [7, с. 212].

Данный подход возможен еще и благодаря технологическому прогрессу. Стоит вспомнить, насколько сложной была фиксация фольклорных текстов в конце XIX и начале XX века. Даже братья Соколовы отмечали: «Как описать мимику, жесты, интонацию певцов и рассказчиков? Как подметить все это, а подметив, сохранить и передать другим? Ведь один готовый текст песни без соответствующей записи интонации, артистических приемов исполнения и т. д. – не точен, как запись песни без нот» [11, с. 43].

Еще одна сложность, которая вставала у исследователей на пути к истине, – это приоритет письменной формы над устной. Это объясняется логикой развития науки, так как зафиксированный, а именно записанный вербальный текст являлся долгое время объектом исследования в филологии. Однако с точки зрения эволюции языка, безусловно, устная речь является наиболее архаичной и сформировалась задолго до появления письменности.

Эволюция научной мысли сейчас оказалась на такой стадии, когда появились технические возможности фиксации устной речи. Анализ любого текста, насыщенного разными типами информации, становится возможным благодаря формированию мультимодальной лингвистики.

В особенном положении находится фольклорная речь. Такая речь является устной и спонтанной уже по своей сути, поскольку посредством коммуникации носители той или иной культуры обмениваются и передают элементы традиции следующим поколениям. Как правило, в ходе ритуала или обряда усваиваются и накапливаются самые важные концепты традиции и правила мироустройства, принятые в отдельном обществе.

Конечно, на особенности усвоения определенных правил влияет и жанр фольклорного текста. Однако, по своей сути, такая речь является естественной с точки зрения устной спонтанной коммуникации. Фольклорная речь воспринимается адресатом как единство слова, жеста, интонации, т.е. как изначально мультимодальная. Насыщенность любого ритуала разными семиотическими модусами А.К. Байбурин объясняет тем, что «с начала и до конца ритуала его участники как бы находятся на сцене» [1, с. 202]. Для участников обряда наиболее важно понимать традицию самому и обеспечить понимание друг друга, поскольку для этого используются все возможные формы речи: «так называемые темные слова, глоссолалии, изменение тембра голоса, скорости речи и т.п.» (Там же).

Гипотеза исследования заключается в том, что не только вербальные признаки повествования, но и другие семиотические ресурсы (интонация, жесты, поза, тональный и акустический центр высказывания и др.) отражают убеждение и уверенность говорящего в произошедшем в реальности, а отделяющая жанры сказочной прозы категория персональности не является основным показателем достоверности, как это было принято в фольклористике долгое время.

Материал, методы, обзор

Исследуемым речевым материалом являются транскрипции мультимодальных «текстов» сказочной прозы. Мультимодальный текст – это «многоком-

понентное смысловое и функциональное единство, информация которого передается по вербальному, визуальному и просодическому каналам с помощью разных семиотических кодов» [10, с. 17].

Элементами каждого информационного канала являются разные единицы. Минимальным компонентом вербально-просодического модуля является элементарная дискурсивная единица (далее – ЭДЕ). Традиционно считалось, что основной единицей речи являются предикативные конструкции [8, с. 119], но и современные исследователи устного дискурса учитывают не только синтаксический критерий строения речи, а также и не-сегментные единицы просодики. В данном случае релевантен термин ЭДЕ, поскольку использован в корпусном исследовании «Рассказы о сновидениях» [6], где анализируется устная речь носителей русского языка.

Кроме формального разделения речи на отрывки в транскрипции указываются просодические характеристики: паузы, их длительность, завершенность/незавершенность ЭДЕ, акценты, несущие акценты и другие дискурсивные явления, влияющие на смысл высказывания.

Визуальный канал представлен жестами, направлением корпуса и взора. Используется жестовая классификация Г.Е. Крейдлина: регулятивные, иллюстративные и эмблематичные жесты [4].

Автору статьи удалось обработать 97 «текстов» несказочной прозы. Материалом для мультимодального анализа мифологических текстов являются видеозаписи фольклорного архива научно-исследовательской лаборатории «Филологические исследования духовной культуры Севера» Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. При научно-исследовательской лаборатории сформирован фольклорный архив. В результате экспедиций 1994, 1996, 1997, 2007, 2008 годов набран основной материал для исследования. Экспедиции проходили в Усть-Цилемском и Прилузском районах Республики Коми, а также некоторые записи сделаны в Юрьянском районе Кировской области.

Выбор несказочной прозы в качестве материала для исследования был сделан неслучайно. Жанрами несказочной прозы считаются былички, бывальщины, поверья, легенды и другие мифологические рассказы. Однако в данной статье основной упор делается на первые два жанра, поскольку именно в них фиксируется жанровое разделение путем применения категории персональности. Основными критериями, по которым происходит разделение сказочных жанров от несказочных, являются функционально-коммуникативная характеристика и отношение к вымыслу в этих фольклорных произведениях.

Тексты жанров сказочной прозы регламентированы в большей степени, в отличие от текстов несказочной прозы, поскольку в первой группе носитель традиции передает конкретные мотивы, напевы, которые могут варьироваться в соответствии с территорией распространения. Соответственно в текстах несказочной прозы наблюдается большая вариативность и спонтанность, и даже схожесть с устной речью, потому что в быличках и легендах передается не столько устойчивый мотив, сколько определенные правила мироустройства. Эти произведения настолько тесно сплетаются с бытовым дискурсом, что, как правило, в них не отмечаются специфические стилистические и

художественные средства, в них могут отсутствовать такие традиционные композиционные элементы нарратива, как зачин и концовка. «Их время тоже не выделено, оно сливается с физическим временем рассказчиков и слушателей» [13, с. 33].

Если в былине и в исторической сказке наличие вымысла является проявлением эстетической функции, то в быличке – это скорее информирование и назидание. В первой группе жанров говорящий осознает художественный вымысел. Для жанров второй группы характерна установка на достоверность [9, с. 9]. Данная категория важна постольку, поскольку указанные неэстетические коммуникативные функции могут реализоваться лишь с уверенностью говорящего в том, о чем он говорит.

Для выражения анализируемой категории в лингвистике выделяются определенные языковые средства. Ими являются разные лексические, морфологические и синтаксические маркеры. Как правило, выделяются следующие:

- а) модальные слова типа *вероятно, возможно, может быть* и т. п.;
- б) модальные частицы *разве, неужели, ведь, да, же* и др.;
- в) предикаты мнения типа *думать, полагать*;
- г) модальные глаголы и предикативы *мочь, можно, должен* [2, с. 159].

Безусловно, это не единственные средства выражения семантики достоверности в высказывании. В этой статье не ставится цель перечисления всех средств выражения достоверности, поэтому указаны лишь наиболее типичные и объединенные по синтаксической структуре и функции. Кроме указанных, также выделяются модальные слова, которые выполняют роль предиката, модальные фразы с формами 1 л. ед. ч., видо-временные формы: формы настоящего-будущего СВ со значением уверенности, инфинитивные конструкции и т.д. (Там же, с. 159–161).

С точки зрения логической операции (или пропозиции), которая лежит в основе ситуации достоверности, считается, что говорящий оценивает степень полноты своих знаний относительно события реальной действительности (Там же, с. 162).

Объективно информация, лежащая в основе высказывания, достоверность которого оценивает говорящий, подразделяется на следующие подтипы:

- 1) *непосредственная информация*, полученная в результате личного опыта, опирающаяся на чувственные каналы восприятия;
- 2) *косвенная информация*, которая с помощью определенных умозаключений дает возможность оценивать ситуацию;
- 3) *информация, полученная опосредованно*, кем-то переданная субъекту (Там же, с. 162–163).

Субъективная оценка информации, лежащей в основе высказывания, оценивается говорящим с точки зрения истинности и соответствия реальной действительности. Говорящий дает оценку вне зависимости от полноты информации, посредственном или опосредованном ее получении.

Соответственно, как говорящий оценивает свое собственное знание, выделяются следующие типы ситуаций:

1) *ситуация простой достоверности*, когда говорящий не подвергает сомнению истинность своего высказывания. «Данная ситуация выражается с помощью повествовательных высказываний с глаголом в изъявительном наклонении и не содержит эксплицитных маркеров достоверности» [2, с. 167];

2) *ситуация категорической достоверности*: говорящий может подвергать сомнению истинность своего высказывания, что выражается модальными словами, рассеивающими сомнения (конечно, безусловно, на самом деле и т.д.);

3) *ситуация проблематической достоверности*, когда говорящий выражает сомнение по поводу истинности пропозиции по причине, например, забывчивости.

В проанализированных мультимодальных текстах несказочной прозы объективность информации позволяет стать жанрообразующим признаком. Имеется в виду содержание понятий *быличка* и *бывальщина*. По предположению И.С. Веселовой, *бывальщина* отличается от *былички* только формой передачи. Адресант излагает *бывальщину* от 3 л., а не от 1 л., как это делается в *быличке* [3]. Соответственно фабула *былички* – это непосредственная информация, а *бывальщины* – опосредованная, поскольку была получена от знакомого, родственника, друга и т.д.

С точки зрения оценки истинности своего высказывания, а дальше и мифологического текста, могут выявляться следующие примеры *быличек*: *Мы вот раньше... сено убирали. Туда... у реки убирали сено. Сидим на поле... у нас раз конно упало, два конно упало. Она сидит и-ии... там... <одна> тоже на листьях все работали. Там Анька сидит и говорит: «Лешак-от все и валит. Так вы видите или нет?» Как всю коню подняло и загребло все вверх! Вот бабы-те наматюкались... он опустил. Вот как раньше жили [ВФ 2302, Островская А.И., ЭДЕ № 1–13]; А тут вот опять... к сыну ездила... в Таврический. Крыльцо-то большое... а тут <НРЗБРЧ> то наше крыльцо то небольшое. Оно и при них. А там тоже... старушка была: «Аристарховна сколько я тебя не видала! Иди, посидим, поговорим». Я говорю: «Давай! Посидим, поговорим». Она поглядела на меня, да и говорит: «Подойди, говорит, к зеркалу. Да посмотришь в это... зеркало. Тебе, говорит, намного хуже стало!» Да я говорю: «Я ж не цветущая была. Что я цвету да хорошею?» Старая да, вот и худею. Она принесла зеркало... и говорит: «Посмотришь-ка». Я говорю: «А что мне смотреться?» Я говорю: «И сейчас смотрелась да... платок накидала». «А что, говорит, не посмотришь?» Я говорю: «Не нужно, не буду я смотреть-то». Она говорит: «Видишь, какая ты». А я говорю: «А чего?» Она говорит, а я вот с одной, говорит, сидела и говорила. И говорю: «Ой, какая ты худая стала, врешь, наверно». А я говорю: «Что я <НРЗБРЧ> пожила и хватит. Вру так вру, а может ещё поживу». Она говорит: «И все ты вот своё говоришь!» А я говорю: «А что, как ваше надо? Не буду ваше, и говорю не ваше!» Я долго жила, она вперед меня умерла.*

А говорит, той женщине сказала. Годы не прошло, и она умерла. «Что-то затосковала, говорит, затосковала». «Не надо так, говорит, делать». Зачем друг дружеску ту угроблять то?! [ВФ 2302, Лис-

това Е.А., МТ № 10, ЭДЕ № 1–52]; *Чёрт её знат, чего она знала. И она... знала... немножко то. Вот... ходят к ей в огород никака курица не зайдёт, и в свои <НРЗБРЧ> чужое ходят... во своё не заходят. Картошку не перерывают... ниче. Не знаю!* [ВФ 2302, Листова Е.А., МТ № 11, ЭДЕ № 1–9]; *Вот-то какой-то пришёл... ко мне... мужик, а я не знаю. Я его... так за нос схватила дак он убежал. Не знаю, какой-то человек. Он мне пришел да задевает, со мной ничего не говорит да молчит. Ничего не говорит. Может во сне видела, да не знаю я ничё. Схватила за нос, да и ушёл уж. Не знаю, какой человек да никого нет. Не знаю, вот и поманило <НРЗБРЧ> не знаю* [ВФ 2302, Рудакова А.В., ЭДЕ № 1–21].

В первых двух приведенных примерах *быличек* можно выделить ситуацию простой достоверности, когда говорящий непосредственно сам был очевидцем встречи со сверхъестественным, а маркеров, транслирующих сомнения, здесь нет. Более показательны с точки зрения сомнения говорящего следующие два примера. Здесь очевидны маркеры сомнения: *Чёрт её знат, чего она знала. Не знаю!*; *Вот-то какой-то пришёл... ко мне... мужик, а я не знаю. Не знаю, какой человек да никого нет. Не знаю, вот и поманило <НРЗБРЧ> не знаю*. Выделенные модальные слова и устойчивые выражения со значением недовольства и досады от неполного понимания произошедшей ситуации. В данном случае информантки выражают сомнение в подробных обстоятельствах встречи, что довольно важно для мифологического нарратива, но сама бытийность встречи не подвергается сомнению. В первом случае рассказчица сомневается в том, что именно знала женщина, которая хотела ее сглазить. Эта позиция выражена предикативно, глаголами в форме настоящего времени. Во втором же случае говорящая сомневается, кого конкретно (*какой-то; не знаю, какой человек*) она видела, но саму встречу сомнению не подвергает, что выражено неопределенными местоимениями.

Что же касается *бывальщин*, то относительно объективной оценки передаваемой информации и, как уже было сказано, средством различения жанров является пропозиция, переданная рассказчику другим лицом. Сверхъестественное событие, произошедшее в фабуле нарратива, не произошло непосредственно с рассказчиком, но он и слушатель, как представители одного культурного поля, сразу понимают, о чем речь. Например, в *бывальщине* о том, как одного мальчика изругала одна старушка. Она же его и нашла за шкафом. Как только ребенок был найден, он сразу принялся куда-то бежать. Старушка заговорила воду, дала ему выпить этой воды, и только тогда он успокоился. Поскольку информация этого текста была получена рассказчицей опосредованно, она сразу же и обозначает канал полученной информации: *Одна женщина... с Демьянова приехала. Ну вот, парнишка пять дней дома не ночевал...* [ВФ 2302, Островская А.И., МТ № 1, ЭДЕ № 1–5]. В других мифологических текстах также наблюдается данная тенденция: *Рассказывали вот... ну один мужчина тоже шел...* [ВФ 2302, Островская А.И., МТ № 5, ЭДЕ № 6–7]; *Манило, у меня вот... мачеху манило. Не раз манило...* [ВФ 2302, Листова Е.А., МТ № 8, ЭДЕ № 1–2]; *Уехали в магазин, мне там как-то дали лоток... шерстяной. Ну ладно... мы поехали в магазин.*

Мы поехали в магазин... тятя говорит... [ВФ 2302, Листова Е.А., МТ № 9, ЭДЕ № 1–5].

Отмечается особенность преодоления дистанции между рассказчицей, ее информантом, который эту историю передал ей, и слушателем. Александра Ивановна, как и другие информантки, нивелирует эту опосредованность с помощью передачи истории от первого лица. Выглядит это следующим образом: рассказчица при любом удобном случае обозначает собственную непричастность к произошедшему в мифологическом тексте, обозначая это глаголом в форме 3 л. *говорит*. Например: *Одна бабушка только его изругала. «Я, говорит, не ругала; Она пришла сюда и говорит. И стала рассказывать: «Так и так. Вво... да... Да он, видишь, стоит заступом...»*. Используя лексику *'говорит'*, а затем прямую речь и повествование от первого лица, рассказчица фиксирует, что встреча со сверхъестественным произошла не с ней, а затем пытается воссоздать фабулу истории для слушателя, будто все, о чем она рассказывает, происходит в момент рассказывания.

С точки зрения субъективной оценки, как говорящий оценивает свое знание, полученное от другого человека, можно отследить следующие примеры. В бывальщине, где мачеха изругалась и потеряла коров в лесу, на следующий день их нашел отец рассказчицы: *Сейчас, говорят, догонит нас. Да нет, да нет, да нет, да нет, да искали. И так вот... тятя... в тёмну побежал. (Я-то вот уже ничего не помню этого. Это он рассказывал всё). Побежал в тёмну, бежит, бежит, бежит... тухло. Ничего не видно, ни где, никто не откликается... вот. И на корове было... колокол навязан... колокол. И колокола не слышно. Ну и потом, говорит: «Где-то бежал, бежал. Это что, говорит, вроде, говорит, как наши бык...»* [ВФ 2302, Листова Е.А., МТ № 8, ЭДЕ № 46–47]. В рассказе о том, как девушка пошла на Пасху в клуб, а обратно ее принесли и потом она до смерти так и не смогла ходить, можно отследить следующие маркеры сомнения: *Так я вот только наверно с девочками раньше дак... <НРЗБРЧ> не ругайтесь так. Вот вечером-то они туда ходить. В Лаське-то у нас... пошли две девочки... Иль на Паску... ага... на Паску... А что вот говорят... старичок, **наверное**, како-нибудь богушко был...* [ВФ 2302, Листова Е.А., МТ № 13, ЭДЕ № 9–13, 41–43].

В приведенных примерах можно отметить такую же тенденцию, как и в быличках. Имеется в виду выражение сомнения по поводу подробностей встречи, а не наличия самой встречи. Насчет последнего как раз таки и нет сомнений, поскольку встреча со сверхъестественными силами довольно логично встраивается в рамку мироустройства представителя мифологического мышления. Как только нарушается негласное правило, например идти на священный праздник (Пасху) развлекаться или обругать кого-либо, тогда и происходит четкое разграничение того, что правильно или неправильно делать в данной культуре.

Как видно из указанных примеров, тенденция к сомнению в обстоятельствах встречи не зависит напрямую от жанра мифологического текста, будь то быличка или бывальщина. Соответственно разграничение былички и бывальщины с точки зрения персональности на уровне жестикюляции и просодии не

особенно актуально, поскольку говорящему не так важно, от кого именно была получена информация: встреча произошла с самим говорящим или с его знакомым, родственником и т.д.

Результаты и обсуждение. Выражение категории персональности на уровне жестов и просодии

Данные, полученные в результате мультимодальной транскрипции текстов несказочной прозы, позволяют подтвердить эту гипотезу.

Поскольку говорящий является участником текста как элемента фиксации события, которое происходило в действительности, то категория лица может быть и не так важна, но степень его включенности в событие указать стоит. На это обратила внимание В.А. Черванева, исследователь предложила для несказочной прозы коммуникативные модусы, которые наиболее объективно отражают роль говорящего внутри нарратива и позволяют вывести критерий по разделению жанров несказочной прозы. В соответствии с событийным статусом рассказчика в повествовании выделяются следующие коммуникативные модусы: *делал, видел, слышал, был/находился рядом* [12, с. 114–117].

Модус «*я делал*» содержится в выражении личного мистического опыта. Говорящий сам был свидетелем встречи со сверхъестественным, которая произошла по его инициативе или же внезапно и неожиданно. Например, в быличке Лобановой Агнии Павловны, как она загадала, куда и за кого выйдет замуж, ей приснилась гора, так и вышло в действительности. Женщина вышла замуж за человека, чей дом располагался возле горы: *Я уж дома жи... дома ещё... девушкой была я. Аааа... у меня братья старшие, я четвёртая уж была. Сестра замуж ушла. Бра... братья... обоих взяли... ещё... в армию. Нет... от это уж после арми... после войны уже было. Я за коровами ходила, коров доила на ферме. Один от брат женился... ушёл. Другого убили... ну... а эти еще малы... не робили. Еще после меня трое, ну... яяя... я в ферме коров доила, а там бабы. Знаешь, все рассказывают. Мне интересно было... они там тоже гадают... да раньше, как гадали да... ну там. Ну че как раньше они жили да... как прями да тоже... гуляли да это все. Все рассказывали про себя и... ии рассказывают. Та вот я про себя загадала... так вот... про себя загадала: уйду ли замуж? Ну и сказали, говорят. А одна говорит: «Я вот... семянами обсыпалась кругом, легла спать дак... ну... потом чё-то увидела... куды идти... взвоз, взвоз, на повить заезжают, да взвоз какой увидела. Ну... я домой пришла, сперва на печь легла... а на печи какое-то жито было...* [ВФ 1338, Лобанова А.П., МТ № 42, ЭДЕ № 1–57]. Из примера видно, что мифологический текст насыщен деталями, порой не относящимися к сущности беседы. Имеется в виду, например, сколько было братьев у информантки, что с ними стало и т.д.

В самом начале повествования Агния Павловна использует жестовые указания на саму себя – автодейксис, причем используются сразу две руки в совокупности с элементом вербального модуса – личным местоимением (*я*), что позволяет предполагать содержание данного высказывания как перформатив «*прошу поверить*» [5, с. 192].

Упоминание судьбы братьев в содержании рассказа сопровождается активной жестикуляцией – использованием дейктических жестов ладони, причем повествование о каждом брате дополняется разным расположением и направлением, как бы подчеркивая, что у каждого был свой путь в жизни.

Мультимодальный текст данного рассказа изобилует большим количеством иллюстративных жестов, имитирующих действия рассказчицы. Например, как женщина обсыпала себя горстью жита [ЭДЕ № 67–70], при сбывшемся сне Агния Павловна интенсивно разворачивает корпус в сторону горки, причем конфигурация и интенсивность жеста позволяют сделать вывод, что гора информанту казалась действительно большой, поскольку ладонь располагается над головой и поднимается вся рука [ЭДЕ № 76–80, 105–114].

Следующий коммуникативный модус «я видел» представляет пропозицию, когда говорящий не вступал в контакт с потусторонними силами, но был свидетелем этого события. В качестве примера можно привести текст, записанный от Лидии Ивановны Семенюк: *А у меня, например, лично было. Алёна у меня внучка. Третий курс, между прочим, закончила, СГУ-то этот самый. Вот вчера... последний экзамен был... на пятерку сдала. Я говорю: «Не автоматом? – «Нет, бабушка, сдавала». Ну ладно, хорошо, сдавала дак. Три пятерки, дак. Да че у вас-то? К ебени матери-то, это самое... мучают. Пять экзаменов надо было девке сдавать! Ой... ой. Ну дак вот тут... ладно две четверки да три пятерки. Дак слава богу... вот. А первого, говорит, приеду... Это самое... домой тут, да она не здесь... да она с матерью... да ко мне-то тоже приедут. Ну вот... Это самое... и у ней был... стоматит. Стоматит этот настоящий. Ну мы лежали с ней в больнице... у нас ниче, все... все покрывлось... белый налёт во рту... [ВФ 1336, Семенюк Л.И., МТ № 36, ЭДЕ № 1–37].* История закончила тем, что Лидия Ивановна обратилась к знахарке, которая прочитала молитву и вылечила внучке стоматит. С точки зрения мультимодального анализа, можно выделить следующие маркеры модуса «делал». Вербально это выражается средствами категории достоверности: использованием наречия (лично) с указанием на свою персону и личного местоимения (я) в форме Р. п. Закономерен попутный комментарий о своей внучке. Информант рассказывает, где учится девушка и как сдала экзамены. Зная, что с ней беседуют преподаватели университета, женщина сетует на большое количество экзаменов.

С точки зрения мультимодальности, данный комментарий произносится с повышенной скоростью речи, а также с использованием иллюстративного дейктического жеста головы с указанием темпоральности. [5, с. 206]. Событие, которое произошло вчера, осознается говорящим сзади, как направление на оси времени (сагиттальной) [ВФ 1336, Семенюк Л.И., МТ № 36, ЭДЕ № 7].

Несмотря на то что событие, о котором говорит информантка, уже произошло, используется дейктический жест с указанием по сагиттальной оси вперед, а не назад. Предполагается, что такое указание связано с категорией достоверности и убедительности. Произошедшее говорящий хочет представить не как что-то завершённое, а как то, что находится сейчас

перед ним, чтобы слушающий был полностью погружен в диалог и убедился вместе с рассказчиком, что встреча со сверхъестественным была и в какой-то степени оживает перед ним. Не просто так используются иллюстративные жесты, ярко имитирующие действия знающей старушки, как она читала молитвы, как позевала [ВФ 1336, Семенюк Л.И., МТ № 36, ЭДЕ № 45–47]. При этом полностью утрачивается визуальный контакт со слушателем, поскольку все тело и коммуникативное пространство рассказчика занято имитацией произошедшего тогда – меняется выражение лица, закрываются глаза. В конце рассказа используется эмблематический жест – отмахнуть рукой – при выражении *как рукой сняло*.

Коммуникативный модус «я слышал» представляет собой конкретный или обобщенный опыт других людей. Причем говорящий не является свидетелем данного события. В рассказе, как одна колдовка тяжело умирала и просила мужа привести кого-то, чтобы передать свой дар, знающая женщина смогла легко отпустить дух только тогда, когда передала свой дар другой женщине: *Они тяжело умирают из-за того... что им надо обязательно это... эти заговоры кому-то передать. Например, если они вот знают, то они... надо их вот кому-то передать. Вот одна женщина в Искре была... там очень она на худое-то очень знала. Ну и так она тяжело умирала... дак потом она мужа то просила... ради Христа-бога хоть кого... хоть кого-то приведи... [ВФ 1336, Семенюк Л.И., МТ № 37, ЭДЕ № 1–12].*

Как и в предыдущих коммуникативных модусах, отмечается наличие указательных жестов при упоминание местонахождения и/или лица, имеющего значение для говорящего. При упоминании места жительства колдовки (в Искре) информантка указывает ладонью вверх. По всей видимости, данный жест является когнитивным: «Несуществующий объект указания представляется существующим и, соответственно, говорящий может на него посмотреть и тем самым задать искомую плоскость» [5, с. 59]. Также наблюдается имитирующий жест – резкий удар боковой стороной ладони. Он дополняет вербальное содержание модуса – душу испустила [ВФ 1336, Семенюк Л.И., МТ № 37, ЭДЕ № 19].

Как отдельный модус В.А. Черванева выделяет пропозицию «я был рядом». В подобной ситуации не отмечается источник получения информации либо становится непонятно, от кого получены сведения. Здесь можно привести пример мифологического текста, записанного от Лобановой Агнии Павловны. В деревне, где она жила, говорили, что если пройти вечером возле мельницы, то можно увидеть черную собаку, не доходя до города эта собака исчезала мистическим образом: *Вот тут говорят. Тоже мельница вот тут была... да по речке-то. Да говорят... всё манило. Это... собакой, говорят, чёрной. Идешь по мосту... вечером... в сумерке... чеерная собака выйдет... и идёт возле тебя. Не кусается и ниче ш... пойдёшь дальше... до полного города дойдёшь... и никого, собаки нет. Ничё, никуда [ВФ 1338, Лобанова А.П., МТ № 54, ЭДЕ № 1–15].* Теоретически подобные рассказы можно соотносить с жанром поверья, поскольку категория персональности здесь выражена

лишь формами глаголов во 2 и 3 л. (идешь, идет, не кушается, пойдешь, дойдешь). Как показывает мультимодальный и дискурсивный анализ текстов подобного рода, рассказы с коммуникативным модусом «я был рядом» намного короче «текстов» с модусами «я делал», «я видел», «я слышал». Среднее количество ЭДЕ в таких рассказах ограничивается двадцатью элементами. Визуальный модус, как правило, представлен менее интенсивно. В указанном рассказе информантка использует лишь указательные когнитивные жесты при упоминании месторасположения мельницы.

Заключение

Таким образом, категория персональности, ставшая основным жанрообразующим признаком, разделяющая мемораты от фабулатов, является не самой важной с точки зрения коммуникации. Говорящему в принципе важно то, что встречи со сверхъестественным возможны в реальной действительности. Мультимодальный анализ «текстов» показал, что коммуникативные модусы «я был», «я видел» и «я слышал» наиболее насыщены личными переживаниями и включением в ситуацию рассказывания, поскольку говорящий пытается воссоздать картину, которая происходила в реальной действительности с помощью жестикюляции и интонационных колебаний. При этом используя разные средства вроде автодейксиса или ручных указательных жестов, эмблематических жестов.

Противопоставлением упомянутым коммуникативным модусам является ситуация «я был рядом», поскольку отдаленно напоминает поверье или суеверный рассказ. В данных мультимодальных текстах представляется как бы коллективный опыт взаимодействия с нечистой силой, поэтому говорящий не включен в ситуацию рассказывания настолько, как в предыдущих модусах. Максимум, на который способен информант, – это иллюстративные когнитивные жесты со значением указания на месторасположение пространства, в котором произошла встреча со сверхъестественным.

Сокращения

ВФ – видеофонд фольклорного архива Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина.

МТ – мультимодальный текст и его номер в мультимодальном корпусе.

ЭДЕ – элементарная дискурсивная единица, минимальный компонент вербального информационного канала.

Источники и их сокращения

ВФ2302 – Подосиновское собрание – Подосиновский район Кировской области (записи 1994 г., собиратели –

Г.С. Савельева, А.В. Панюков). Зафиксирован материал от следующих информантов: Островская Александра Ивановна, Листова Евдокия Аристарховна, Рудакова Алена Васильевна.

ВФ 1338, 1336 – Прилузское собрание – Прилузский район Республики Коми (записи 2007 и 2008 гг., собиратели – Т.Н. Бунчук и Е.А. Шевченко). Проанализированы тексты от следующих информантов: Семенюк Лидия Ивановна, Лобанова Агния Павловна.

Литература

1. Байбурин, А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А. К. Байбурин. – Санкт-Петербург, 1993. – 240 с.

2. Бондарко, А. В. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность: коллективная монография / А. В. Бондарко, Е. И. Беляева, Л. А. Бирюлин [и др.]. – Ленинград, 1990. – 264 с.

3. Веселова, И. С. «Несказочная» проза: мифологические нарративы / И.С. Веселова // Фольклор и фольклористика. Современная научная парадигма и образовательные технологии. – URL: <http://etmus.ru/folyklor-i-folykloristika-sovremennaya-nauchnaya-paradigma-i-obrazovatelyne-tehnologii/> (дата обращения: 05.07.2023). – Текст : электронный.

4. Григорьева, С. А. Словарь языка русских жестов / С. А. Григорьева, Н. В. Григорьев, Г. Е. Крейдлин. – Москва, 2001. – 255 с.

5. Гришина, Е. А. Русская жестикюляция с лингвистической точки зрения. Корпусные исследования: монография / Е. А. Гришина. – Москва, 2017. – 744 с.

6. Кибрик, А. А. Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса / А. А. Кибрик, В. И. Подлесская. – Москва, 2009. – 736 с.

7. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX в. (опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца XX в. – Москва, 1995. – С. 144–238.

8. Лаптева, О. В. Русский разговорный синтаксис: монография / О. В. Лаптева. – Москва, 1976. – 399 с.

9. Померанцева, Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре : монография / Э. В. Померанцева. – Москва, 1975. – 194 с.

10. Сергеева, Ю. В. Мультимодальный текст как предмет искусства / Ю. В. Сергеева // Традиционное и новое в лингвистике, переводоведении, лингвокультурологии и лингводидактике : сборник статей / под редакцией Г. А. Баевой. – Санкт-Петербург : Издательство СПбГУ, 2017. – С. 16–21.

11. Соколов, Б. Поэзия деревни: руководство для собирания произведений устной словесности / Б. Соколов, Ю. Соколов. – Москва, 1926. – 178 с.

12. Черванева, В. А. Границы достоверности мифологического рассказа: был-видел-слышал-был / В. А. Черванева // Русская речь. – 2017. – № 5. – С. 112–117.

13. Чистов, К. В. Русская народная утопия. (генезис и функции социально-утопических легенд) : монография / К. В. Чистов. – Санкт-Петербург, 2003. – 538 с.

Е.А. Voenushkina

THE CATEGORY OF PERSONALITY AS AN ELEMENT OF RELIABILITY IN A MULTIMODAL TEXT OF NON-FAIRYTALE PROSE

The article studies the corpus of fixed texts of non-fairy tale prose, where the main element of the plot is a story about meeting an evil spirit or any other representative of the netherworld. Particular attention is paid to the role of the category of personality as an element of persuasiveness and reliability of the fact that the speaker perceives the meeting with the supernatural as something that happened to him (or his relatives) in reality.

Folklore linguistics, semiotics, multimodal linguistics, non-fairy tale prose.